

Module 1 Video Class 3: Interview with Sonia Shah (Russian)

[00:00:00] Привет! Добро пожаловать на первый раунд видеоподготовки с экспертами в первом модуле курса «Журналистика в пандемии: освещение COVID-19 сейчас и в будущем». С нами научный журналист, спикер TED и писатель Соня Шах. Среди ее книг — «Лихорадка», «Пандемия» и свежая книга «Следующая Великая миграция», которая выходит в июне. Соня, спасибо, что присоединились к нам.

[00:00:25] Спасибо, что пригласили меня.

[00:00:25] Итак, вы один из немногих журналистов, рассмотревших вопрос о возможности пандемий в формате книги, и мне очень любопытно, каково это — сделав такое предупреждение, оказаться сейчас в центре пандемии.

[00:00:43] Полагаю, это не должно быть таким жутким и удивительным, и все же это так. Я думаю, что так же чувствуют себя и все остальные, это сюрреалистичный опыт. Но в то же время случаются вещи, которые для меня сильно перекликаются с историей, поэтому я постоянно вспоминаю о других вспышках. Так что я не то чтобы удивлена, но это все еще очень сюрреалистично и жутко.

[00:01:10] Если мы посмотрим на события последних четырех месяцев — ведь за пределами Китая пандемия развивается всего около четырех месяцев. Как вы думаете, что подтверждает выводы вашей прошлой журналистской работы, и было ли что-то, что вас удивило?

[00:01:25] Ну, многие вещи мне знакомы. Например, способ распространения болезни, конечно, очень хорошо знаком. Она движется по нашим путям торговли и путешествий, что мы долгое время недооценивали. И, знаете, политики, закрывающие границы сразу после того, как болезнь начала распространяться — это действительно символично с точки зрения распространения эпидемий. Вина, которую мы пытаемся возложить друг на друга, показывая пальцами то на китайцев, то на плохих ученых, то на такой заговор, то на сякой заговор, то на иммигрантов, то на путешественников, — всё это очень знакомо.

[00:02:02] Поиск биомедицинского решения, которое спасет нас от всего этого, — это тоже очень знакомо. Но что действительно удивило меня в том, как разворачивается эта пандемия, так это огромный политический провал в Соединенных Штатах.

[00:02:19] Я думаю, что этого действительно не ожидали. Знаете, я думаю, мы все были немного смущены и сбиты с толку реакцией США. И нынешний политический момент, когда по всему миру впереди правые популистские лидеры, что усложняет ответные действия на пандемию — это было довольно удивительно и неожиданно.

[00:02:36] Оглядываясь назад, я понимаю, что я сама писала о возможности пандемии на протяжении значительной части моей карьеры. И во всех различных моделях и возможностях, которые я проигрывала в своей голове, тот факт, что правительство США по существу самоустранилось, и, конечно, что CDC самоустранились или их не будет видно, — этого никогда не было среди тех вариантов, которые я рассматривала.

[00:03:03] Совершенно верно. Это было удивительно наблюдать. Удивительно. Удивительно, как быстро все эти институты и структуры управления полностью развалились и превратились в нечто совершенно иное, например, инструменты пропаганды или просто использования мер государственной политики в качестве политического оружия. Это произошло очень быстро.

[00:03:22] Я помню, как в своей книге «Пандемия» вы писали о том, как политические лидеры делают свой выбор в отношении введения карантина; что они принимают решения при предсказуемых затратах и непредсказуемых выгодах, — это прекрасная фраза.

[00:03:40] Так что я задаюсь вопросом, с этой точки зрения, как вы рассматриваете совершенно разные варианты, которые были выбраны в качестве реакции на происходящее во всем мире, о локдауне, социальном дистанцировании? В какой степени передвижение должно быть свободным? Мы только что говорили о реакции США, но от Китая до Италии, Швеции и Южной Америки есть огромное множество различных мер, которыми правительства отреагировали на пандемию.

[00:04:02] Я думаю, случилось вот что — вы знаете, у меня пока нет четкого понимания. Я думаю, что мы пока просто настолько погружены в настоящее и все еще пытаемся понять, что движет многими ответными мерами. Но я думаю, что в ситуации, когда США не дали своей схемы действий в борьбе с этой пандемией, китайская модель действительно вышла на первый план. И поэтому, как мне кажется, многие страны мыслят реакцией на китайскую модель — например, вводить локдаун или нет — вместо того, чтобы смотреть на то, какова демографическая ситуация, какова возрастная структура населения, сколько койко-мест в реанимации на самом деле, сколько аппаратов ИВЛ, то есть давать своего рода дифференцированный ответ.

[00:04:47] Я думаю, что то, что мы видим, в большей степени политическая реакция. То есть страны принимают решение так: ну, политические издержки бездействия действительно высоки, потому что мы все видели, что произошло в Италии, или мы все видели, что произошло в X, Y, Z — месте, которое выглядело очень плохо для нашего населения, и поэтому нам нужно что-то сделать. Я думаю, что в этом просто много реакции, своего рода рефлексивной реакции, действия ради действия, что-то вроде того.

[00:05:11] Потому что, конечно, затраты на локдаун огромны, но они также неоднородны. Они больше всего ложатся на бедных людей, маргинализированных людей, малые предприятия. Мы видим, что многие крупные компании на самом деле работают нормально, некоторые из них на самом деле даже растут.

[00:05:33] Так что я думаю, что все эти факторы играют определенную роль, так что это не так просто, как экономические затраты сегодня ради выгод для здравоохранения завтра. Есть и вся эта политика.

[00:05:42] Итак, давайте на минуту переключимся с политики на науку. В своей книге «Пандемия» вы также говорили о сложности реформирования систем наблюдения. Идея заключается в том, что мы пытаемся обнаружить пандемические патогены, приходящие из животного мира, как это было в этом случае и в случае MERS, атипичной пневмонии и Эболы. Итак, как вы думаете, была ли возможность обнаружить этот вирус, когда он «перепрыгнул» на людей, и что нужно сделать,

чтобы обнаружить следующий «прыжок», который, как мы знаем, приближается — мы просто не знаем, когда он случится.

[00:06:24] Мы знаем, что, например, ученые, работающие с Eco Health Alliance, были в некоторых частях Китая, изучая там антитела к коронавирусу в местных популяциях. Они обнаружили, что около 3% людей в некоторых местах Китая имеют антитела к различным коронавирусам, которые они отслеживали. Теперь, нашли бы они этот вирус, если бы всё ещё делали эту работу, если бы она всё ещё финансировалась? Ну, это невозможно сказать. Но, знаете, эти вещи могут произойти случайно. Но, конечно, их движут эти более крупные социальные, политические и экономические силы, и они уже какое-то время ускоряются. То есть нельзя сказать наверняка, что мы поймали бы этот вирус.

[00:07:06] Может, да, а может, и нет. Но факт в том, что у нас была программа, которая искала эти потенциально «прыгающие» от животных к человеку патогены, и особенно от летучих мышей к людям; это была работа, которая там велась. Но финансирование закончилось, и она тоже остановилась. Мы можем только догадываться, что могло бы быть, если бы они продолжили эту работу, и если бы мы действительно укрепили этот исследовательский потенциал.

[00:07:33] Так и есть. Мы разговаривали перед тем, как начали записывать видео, о том, сколько людей проходят этот курс на сегодняшний день — около 5000 человек, и они приходят буквально со всего мира. Понимая, что это ужасно широкий спектр, спрошу: есть ли у вас какие-либо идеи для журналистов, которые проходят этот курс, о том, какие точки зрения или какие истории они должны изучать и рассказывать в местном контексте, чтобы максимально пролить свет на обстоятельства этой пандемии?

[00:08:06] Я думаю, в общем, нам нужно искать истории, которые в некотором роде замалчиваются, так? Это люди в тяжелом положении, которые больше не находятся в центре внимания медиа. Мы должны обратить внимание на людей, находящихся под стражей, беженцев, просителей убежища, бездомных. До всех этих маргинализированных групп населения по-настоящему трудно добраться в нормальное время, а сейчас это еще труднее.

[00:08:27] Но главное, я думаю, что нам нужно расширить опыт и экспертизу, на которые мы полагаемся для многих историй. Я думаю, что очень легко рассуждать так: ну, это вирус, так что найди вирусолога, или это эпидемия, иди к эпидемиологам, или это экономический кризис, иди к экономисту. Но мы также можем использовать медицинских антропологов, юристов в области мирового здравоохранения и биоэтиков. Есть достаточно большой круг других людей, которые имеют опыт в этой области и могут сделать очень важный вклад в то, как мы все мыслим о происходящем стратегически. Я думаю, что нам нужно расширить наш взгляд, потому что сейчас мы оказались в ситуации, когда многие журналисты внезапно пишут об эпидемии, хотя они никогда этого не делали раньше. Поэтому я думаю, что нам нужно просто расширить круг источников, на которые мы полагаемся для того, чтобы пролить свет на происходящее.

[00:09:14] Я думаю, что это отличный совет, особенно потому что мы не хотим цитировать тех же людей, которых цитируют все остальные, не так ли? Для одной из моих любимых историй, которые я написала за последний месяц, я поговорила с парой историков медицины об уроках нескольких прошлых пандемий и, в частности,

о кампаниях по вакцинации и о том, как это может помочь нам действовать, если мы получим вакцину от COVID-19.

[00:09:43] Итак, последний вопрос. Как один писатель другому писателю — я хотела бы услышать немного о вашей следующей книге, и особенно если вы можете связать свою следующую книгу с тем, что происходит прямо сейчас.

[00:09:50] Ну, да, я опубликовала «Лихорадку», книгу о малярии, в 2010 году, а потом написала «Пандемию», которая касается новых инфекционных заболеваний, и она вышла в 2016 году.

[00:10:06] И один результат этой работы — это то, что меня поразило, насколько патогены определили курс человеческой истории. Знаете, с течением времени мы приспособились к патогенам самыми разными способами, будь то через генетические мутации, которые делают нас уязвимыми для современных заболеваний, или изменения в том, как и где мы живём, — список примеров того, как патогены на самом деле сформировали наше общество и наше поведение, очень длинный. Но одна вещь, которая действительно поражает, — это то, что в наибольшей степени патогены используют такую особенность человеческого поведения, как мобильность.

[00:10:43] И все же со временем мы не изменили ей, если на то пошло, мы двигаемся все быстрее и дальше. И поэтому я хотела посмотреть, почему это происходит, какова роль человеческой мобильности в природе и в истории — с учётом того, как дорого она нам обходится не только в наше время, и не только с этой пандемией или пандемией до неё, но и за всю нашу историю. И я хотела разобраться, как изменение климата меняет пути миграции не только для людей, но и для диких видов, и какую роль мобильность играет в нашей биологической устойчивости.

[00:11:25] Я с нетерпением жду возможности прочитать об этом. Это книга «Следующая Великая миграция», которая выходит в июне. И Соня — также автор, помимо прочего, «Пандемии», о которой мы говорили, и «Лихорадки». Большое спасибо за участие в этом курсе. Мы очень ценим это. Спасибо.